

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

Международный комитет славистов
Комиссия по балканскому языкознанию

**Языки и диалекты
малых этнических групп
на Балканах**

Международная научная конференция

Санкт-Петербург, 11-12 июня 2004 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2004

Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах: Тезисы докладов на Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11-12 июня 2004 г.) / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб., 2004.

Издание предназначено для специалистов по балканскому языкознанию.

Ответственные редакторы: А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков

Конференция проводится по поручению
Комиссии по балканскому языкознанию
при Международном комитете славистов

Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах:
Международная научная конференция
Санкт-Петербург, 11-12 июня 2004 г.
Тезисы докладов

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН и
в Institut für Slawische Philologie der Philipps-Universität Marburg.

ООО «АкадемПринт». Санкт-Петербург, ул. Миллионная, 19.

© Коллектив авторов, 2004

© ИЛИ РАН, 2004

© Inst. f. Slaw. Phil., 2004

Содержание

Ronelle Alexander (USA, Berkeley)

Does Serbo-Croatian dialectology still exist? – 6

Петя Асенова (Болгария, София)

Особенности функционирования балканских диалектов
в иноязычном окружении – 7

Maria Vara (Deutschland, Marburg)

Pflanzen in der Volkskultur der Aromunen im Pindos-Gebirge:
Phytonyme, Nutzung und Mythen – 8

Генадзь Цыхун (Белоруссия, Минск)

Языки и диалекты малых славянских этнических групп – 9
на Балканах

Александр Д. Дуличенко (Эстония, Тарту)

Балканский фрагмент языковой Микрославии – 11

Alexander I. Falileyev (Russia, St. Petersburg)

Disputable Evidence of a Celtic Presence in the Central Balkans – 13

Victor Friedman (USA, Chicago)

Turkish in the Balkans: Roles and Reversals – 14

Armin Hetzer (Germany, Bremen)

Outlines of the Current State of Sephardic – 15

Thede Kahl (Österreich, Wien)

Das Aromunische und seine Dialekte:
Charakteristika, Verbreitung, Zustand, Kenntnislücken – 16

Славка Керемидчиева (Болгария, София)

Судьба болгарского диалектного ядра в районе Салоник – 18

Christina Leluda-Voss (*Deutschland, Marburg*)
Der Dialekt von Kastelli (Peloponnes, Achaia, Bezirk Klitorolefkasia) – 20

Корина Лешбер (*Германия, Берлин*)
Албанизмы в болгарском языке
с точки зрения контактной семантики – 21

Kleanti Liaku-Anovska (*Macedonia, Skopje*)
On the Language of the Vlach Folklore – 22

София Милорадович (*Сербия и Черногория, Белград*)
Об изученности народных говоров сербского меньшинства
в балканских странах – 23

Olga M. Mladenova (*Canada, Calgary*)
Towards an Electronic Corpus of the Bulgarian Dialects in Romania – 24

Дарина Младенова (*Болгария, София*)
Болгарские ареальные соответствия славянским заимствованиям
арумынского диалекта – 25

Радиво Младенович (*Сербия и Черногория, Белград*)
Говоры трех мусульманских славянских этнокультурных групп
на юго-западе Косово и Метохии – 27

Manuela Nevaci (*Romania, Constanța*)
The Structure and the Evolution of the Verbal Forms
in Macedo-Romanian – 29

Juhani Nuorluoto (*Finnland, Helsinki*)
Die Konikovo-Evangeliumshandschrift: Ein neuer Fund – 30

Анна А. Плотникова (*Россия, Москва*)
Культурный диалект родопских помаков – 31

Михай Н. Радан (*Румыния, Тимшоара*)
Карашевские говоры – язык или диалект славянских языков? – 32

Alexander Ю. Русаков (Россия, С.-Петербург)

Малый диалектологический атлас балканских языков:
взгляд на цыганский – 33

Nicolae Saramandu (Roumanie, Bucarest)

Quelques considérations sur le rapports linguistiques
entre l’Aroumain et les langues slaves – 35

Helmut Schaller (Deutschland, Marburg)

Zur Sprache der Siebenbürger Bulgaren – 36

Biljana Sikimić (Serbia and Montenegro, Belgrade)

Linguistic research of small exogamic communities:
the case of Banyash Romanians in Serbia – 37

Андрей Н. Соболев (Россия, С.-Петербург / Германия, Марбург)

Заметки об арумьинском диалектном синтаксисе – 38

Lukas D. Tsitsipis (Greece, Thessaloniki)

Linguistic Ideological Contestation
in the Arvanitika (Albanian) Communities of Modern Greece – 39

Марияна Хр. Витанова (Болгария, София)

О говоре переселенцев из с. Крыстополе (Еникьой), район Ксанти – 40

Christian Voss (Deutschland, Freiburg)

Perspektiven für die Erforschung des Slavischen in Nordgriechenland – 41

Svetlana Yanakieva (Bulgaria, Sofia)

Alexander I. Falileyev (Russia, St. Petersburg)

Towards a Computer-based Corpus of Thracian – 43

Xhelal Ylli (Deutschland, Erlangen / Albanien, Tirana)

Die slavischsprechende Bevölkerung in Südostalbanien
und ihre Mundarten – 44

Does Serbo-Croatian dialectology still exist?

According to the principles of areal dialectology, linguistic variation is studied over the expanse of a natural linguistic area defined solely in broad linguistic terms without regard to national or political boundaries. Thus, the discipline of South Slavic dialectology concerns itself with all of South Slavic, covering an area spanning the continuum from the Julian Alps in the northwest to the Black Sea in the southeast. Similarly, the discipline of Balkan Slavic dialectology concerns itself with all Slavic dialects spoken to the south and east of a line running through southern Serbia (and embraces all dialects which display the well-known "Balkan" traits).

In practice, though, dialectology is usually carried out within nation-states: dialects are identified with respect to the state within which they are located, the actual work usually takes place under the sponsorship of state institutions, and the discipline takes its name from the nationally-based language (thus, "Slovenian dialectology", "Bulgarian dialectology", and the like). One of the best-known of these disciplines has been Serbo-Croatian dialectology. This is a field in which great scientific progress was made partly because of the talent and intellect of major scholarly figures who devoted themselves to its study and partly because of the rich variety of speech systems subsumed under that label. The label in turn was appropriate in terms of the locus of these speech systems: all were situated within the four republics of Yugoslavia whose official standard speech was Serbo-Croatian.

The events of the 1990s, including the breakup of Yugoslavia into several smaller states and the splintering of Serbo-Croatian into several discrete linguistic entities each associated clearly with a particular national-ethnic unit, would seem to have invalidated the label "Serbo-Croatian dialectology" as such. One must ask, therefore, whether the term "Serbo-Croatian dialectology" continues to have a meaning, and if so what is it? Is it now an abstract concept subsuming a number of different South Slavic "ethnic minorities"? Must one now speak exclusively of Bosnian dialectology, Serbian dialectology and Croatian dialectology? Does the belief commonly encountered in the lay press – that the Bosnian, Croatian and Serbian are "dialects of Serbo-Croatian" – have any meaning or justification on the scientific level?

Much has changed since the publication of Pavle Ivić's *Srpskohrvatska dijalektologija* in 1956, and it is time for a re-evaluation of the discipline once known as Serbo-Croatian dialectology. The present paper lays some groundwork in this direction.

Особенности функционирования балканских диалектов в иноязычном окружении

В докладе прослеживаются ожидаемые общие особенности функционирования и развития изолированных диалектов языков-членов балканского языкового союза (БЯС), носители которых находятся в отношениях билингвизма с другими языками БЯС. Имеются в виду диалекты болгарского языка на территории Румынии, Греции и Албании; северногреческие, румынские (валашские) и арумынские (фаршеротские) диалекты на территории Болгарии и т.п. Исследование основывается на опубликованных данных и текстах, а также на собственных полевых наблюдениях. Несмотря на различия в том, как именно носители этих диалектов оказались в среде иного (но балканского) языка – вследствие миграций или же в качестве автохтонных, – условия функционирования диалектов существенно не различаются. Для них характерно: а) принадлежность к компактным крестьянским коллективам; б) отсутствие образования и (нередко) учреждений культуры на родном диалекте; в) языковой консерватизм женщин (женский монолингвизм); г) урбанизация последних десятилетий. Это предопределяет наличие общих особенностей:

(1) В сфере проявления балканизмов в системе каждого диалекта наблюдается как архаичность, соответствующая их периферийности (напр. степень развития аналитизма имени, система артиклей, будущее время с *habeo* и т.д.), так и инновационность, результаты которой выходят за пределы тех же инноваций и в родном, и в контактном языках (напр. в формах футура и кондиционала);

(2) Степень развития балканизмов отражает механизмы их появления и закрепления в структуре (напр. местоименные повторы дополнения и их взаимодействие с категорией определенности);

(3) Функционируя в условиях активного билингвизма, изолированные диалекты являются источником сведений для теории языковых контактов. Процесс интерференции затронул не только лексический и синтаксический уровни, но также грамматическую семантику (выражение бытийности, передачу чужой информации). Смещение и переключение кодов одинаково и управляется одинаковыми стратегиями.

Исследование таких диалектов может дать ответ на многие спорные вопросы касательно относительной хронологии балканизмов и направлений их ареального распространения.

Pflanzen in der Volkskultur der Aromunen im Pindos-Gebirge: Phytonyme, Nutzung und Mythen

Das Pindos-Gebirge beherbergt eine Vielzahl unterschiedlicher Lebensräume wie dichte Nadel- und Mischwälder, Lichtungen, Schluchten, Felswände, blumenreiche Weidegründe, aber auch vegetationsarme alpine Zonen. Die aromunischen Bergdörfer liegen inmitten einer artenreichen Vegetation, die von den Einwohnern auf vielfältige Weise genutzt wird. Nicht zuletzt wegen der eminenten Bedeutung der Weidewirtschaft für die aromunische Gesellschaft kommt zahlreichen Pflanzenarten eine besondere Stellung zu. Das Auftreten einzelner Pflanzenarten kann den Beginn von Herdenwanderungen markieren.

Pflanzenarten wie Weizen (*grān^u*) oder Mais (*kālāmb'uk^{'i}*) werden wirtschaftlich genutzt und angebaut: auch in der aromunischen Hirtengesellschaft führt ein Teil der Bevölkerung Land- und Forstwirtschaft in kleinem Ausmaße durch. Andere Arten können symbolische, religiöse, mythische und medizinale Funktionen übernehmen. Weite Verbreitung hat die Symbolhaftigkeit von Rosen (*trand'afil^u*) als Ausdruck der Liebe gefunden. Zahlreiche Baumarten verkörpern in der aromunischen Volksliteratur schöne Frauen oder historische Gestalten. Manche Arten wie das Johannisbrot (*ksiluk''erati*) oder Nüsse (*nuṭ*) werden von den Kindern zu Spielen genutzt. Von anderen Pflanzen wird geglaubt, dass ihr Verzehr positive Eigenschaften fördert, so wie das Knabenkraut (*sal'epi*) die Potenz antreiben soll. Der Brennessel (*urž'ākā*), der Zwiebel (*ṭe'apā*), dem Knoblauch (*'al'u*) und dem Granatapfel (*ar'oḍi*) werden Schutzfunktionen vor bösen Geistern, Heilfunktionen oder andere Fähigkeiten zugeschrieben.

Jede Jahreszeit hat ihre typischen Vertreter in der Flora. Entsprechend sind die unterschiedlichen Pflanzen der jeweiligen Jahreszeiten in die einzelnen Feiertage eingewoben worden. Aus zahlreichen Feiern ist die Verwendung von Pflanzen kaum mehr wegzudenken, insbesondere zu Epiphantias, am Maifeiertag, dem Tag des Heiligen Johannes, am Lazarus-Tag oder am Palmsonntag. Aber nicht nur an kirchlichen Feiertagen, sondern vor allem auch im Aberglauben übernehmen Pflanzen eine wichtige Funktion. Die vorgestellten Ausführungen enthalten Zitate aus den transkribierten aromunischen Interviews. Sie sind Teilergebnisse der Feldforschungen in Turia/Kraniá, die 2002 im Rahmen des Kleinen Balkansprachatlases durchgeführt wurden. Die dortigen Beobachtungen werden um Beispiele aus anderen Dörfern im nördlichen und zentralen Pindos-Gebirge ergänzt. Nach der etymologischen Analyse wichtiger aromunischer Phytonyme werden ihre symbolisch-mythologischen Bedeutung und ihre Rolle in der lokalen Heilkunde dargestellt.

Языки и диалекты малых славянских этнических групп на Балканах

Ареально-типологическое изучение славянской составляющей балканского языкового союза (БЯС) показало исключительную ценность для решения задач балканистики не только основного балканославянского массива, локализованного в центральной зоне БЯС, но и периферийных по отношению к нему славянских говоров и диалектов, нередко сохраняющих факты, ключевые для понимания путем формирования этой этноязыковой общности.

Кроме чисто эвристического аспекта изучения на передний план выступает эколингвистическая задача поиска путей их сохранения и выживания в условиях современной глобализации и европейской интеграции. В решении этой задачи существенное значение, наряду с морально-этическим аспектом, имеет оценка проектов, направленных на формирование на базе изучения этих диалектов литературных форм и литературных микроязыков, поскольку они могут противодействовать ускоренной ассимиляции малых этнических групп и тем самым способствовать сохранению уникального балканского этноязыкового ландшафта.

В отношении этих проектов нередко наблюдаются противоположные подходы. Учет известных локальных проектов в рамках балканославянской части БЯС демонстрирует недавно изданный "Лексикон языков Европейского Востока" под редакцией М. Оуки (*Wieser Enzyklopaedie des europaeischen Ostens. Bd. 10. Klagenfurt [u.a.], 2002*), где кроме описания стандартных славянских языков представлены очерки эгейско-македонского, банатского и помакского. Ср. также описание региолекта в районе Корчи (южная Албания), названного "кайнас" (название абстрагировано из местного выражения *zborvi kaj-nas* 'говорит у нас'), и исследованного ранее А. Мазоном на основе письменных источников (*M. Courthiade. Un parler slave singulier: le kainas d'Albanie orientale// Balcanica Posnaniensia VI. Poznań, 1993. P.237-326*). Вместе с тем попытки создания стандартизованных описаний и словарей т. наз. помакского языка в Греции встречают протест со стороны болгарских лингвистов, которые считают, что "съчиняването на нов 'книжовен език', различен от българския литературен език, има за цел да откъсне това етническо българско население от родственото му в Р България, а след това и да го асимилира" (Кочев И. За така наречения "помашки език" в Гърция// *Македонски преглед. 1996. Бр. 4. С.43*). Между тем известно, что ряд словенских ученых, а также офи-

циальные круги Словении содействовали формированию резьянской письменной нормы в Италии и изданию литературы на этом микроязыке, поскольку словенский литературный язык по многим лингвистическим и экстралингвистическим причинам не мог полноценно функционировать в Резии. Таким образом, в каждом конкретном случае следует учитывать максимальное количество факторов, влияющих на использование "матичного" языка или формирование "письменно-региональной нормы" в среде малых славянских этнических групп на Балканах, независимо от интенций создателей такой нормы. На первом плане в подобных случаях следует, по-видимому, иметь интересы сохранения и развития языкового разнообразия, что всегда характеризовало Балканы.

Балканский фрагмент языковой Микрославии

Под Микрославией мы понимаем не некое отдельное непрерывное пространственное единство, но небольшие славянские этноязыковые массивы – периферийные по отношению к своему этносу(и языку)-корню либо выступающие в виде островов в окружении других славянских или неславянских народов и языков. Таким образом, это термин по своему значению скорее собирательного характера. При этом следует различать по крайней мере два содержательных вида языковой Микрославии: один включает говоры или диалекты, формой существования которых выступает только устная речь; другой состоит из литературно-языковых образований, т. е. здесь функционирует не только устная речевая разновидность, но и наличествует письменность и в конечном счете – литературный язык для такой речевой разновидности. В данном случае мы как раз и обратимся к Микрославии, характеризующейся экспериментами и опытами локальных литературных языков, которые мы называем *литературными микроязыками*. В соответствии с заявленной темой это будут микроязыки балканского и непосредственно прилегающих к нему ареалов.

Итак, в указанном ареале наблюдаются славянские островные, периферийно-островные и просто периферийные массивы, культивирующие собственные литературные языки.

К *островным* относятся: югославо-русинский (или южнорусинский) в Бачке, Среме и Славонии (Сербия, Хорватия) и банатско-болгарский (в исторической области Банат в Румынии).

Периферийно-островными называем языковые образования, которые являются продолжением того или иного (этно)языкового массива, но пересекаются, например, государственными границами. К таковым на Балканах можно отнести эгейско-македонский и помакский в Греции.

Периферийных литературных микроязыков два – кайкавский и чакавский (по отношению к хорватскому) и прилегающий к рассматриваемому ареалу прекмурско-словенский (по отношению к словенскому языку).

Таким образом, балканский фрагмент языковой Микрославии достаточно богат – он насчитывает по крайней мере семь литературных языков либо экспериментов, направленных на создание таких языков. Это дает прекрасную возможность типологического изучения названных литературно-языковых образований как в плане их внутриязыковых характеристик, так и характеристик на социолингвистическом уровне. *Лингвистический анализ* материала позволяет выявить, насколько названные

микроязыки, их различные уровни, зависят от соответствующих диалектных основ и от воздействия контактирующих с ними окружающих языков, какова динамика норм и их соотношение с устной речью и т. д. Немаловажным для микроязыков является также вопрос внешнего плана, касающийся применяемой в них графики и орфографии: так, лишь югославо-русинский и эгейско-македонский используют кириллическое письмо, помакский – греческое, остальные применяют латинические системы южнославянского типа (в том числе и банатско-болгарский – из-за католического вероисповедания его носителей). *В социолингвистическом аспекте* отмечается большая или меньшая полифункциональность островных, несколько скромнее функциональные возможности характеризуют периферийно-островные микроязыки; что касается периферийных, то они узкофункциональны, поскольку используются прежде всего для эстетических целей – в художественной литературе (в отличие от двух других групп, в них слабы тенденции к нормированию, в целом же они характеризуются отсутствием единых норм).

Разумеется, балканский и прилегающие к нему массивы, располагающие литературными микроязыками, являются фрагментом (заметим – достаточно большим) языковой Микрославии в целом, насчитывающей в настоящее время по меньшей мере 18 литературно-языковых образований: из островных градищанско-хорватский в Австрии, молизско-славянский и резьянский в Италии; из периферийно-островных – карпаторусинский в Закарпатской Украине, Восточной Словакии, в прилегающих к Словакии районах Польши, в Венгрии и Румынии, а также в США и Канаде, венецианско-словенский в Италии; из периферийных – ляшский в Чехии, восточнословацкий в Словакии, западнополесский в Белоруссии; из так наз. автономных – кашубский в Польше и верхне- и нижнелужицкие в Германии. Эксперименты по созданию локальных литературных микроязыков не прекращаются.

Disputable Evidence of a Celtic Presence in the Central Balkans

More than fifty years ago, in his *Epigrafski prinosi* (pp.58-59), Beševliev suggested a reading of *Icacidunum* for a place-name *Icacidun* that was found in an inscription from the area of Oescus. He identified it as probably Celtic in view of the known toponyms in *-dunum*, also attested on the Balkan peninsula (*Noviodunum*, *Singidunum*). The emendation was adopted in Gerov's excellent *Inscriptiones Latinae in Bulgaria Repertae* (Sofia 1989, p.15), where the author also tentatively suggested that the place-name could contain an initial *P-*. However, the reading *Picacidun(um)* is conjectural and its linguistic interpretation as either indigenous or Celtic implies too many difficulties. Although the emended hapax **Icacidunum* is not unproblematic from the standpoint of Celtic philology (I discuss possible explanations elsewhere; a hitherto unnoticed related Celtic personal name is known in the area (Gerov, *op.cit.*, p.32) as a patronym in a Latin context and with a Celtic implication, *Ti(bernius) Iulius Icci f(ilius) [...] dom(o) Trever*), the place-name has been considered in the discussions of Celtic linguistic remnants of the Balkans.

It is normal for Celtic place-names in the Balkans to be found in geographically restricted territories, where their number exceeds 2-3 items. The inscription with the place-name in question is found in a region where no other Celtic place-names have been observed. However, **Icacidunum* is not localised precisely and is thought to be located somewhere in the vicinity of Oescus, which may imply a considerable distance from it. The area is known for archaeological finds that may be related to the Celtic presence, although this type of evidence is controversial. One may also note the suggestions, albeit not widely accepted, that the ancient name of the river *Iskār* itself is Celtic. The ethnic movements of prehistory in this territory are extremely difficult to trace, and the ancient narrative sources do not mention the Celts being there. What may be important is that we find what are presumed to be Celtic place-names to the west of Oescus in the area of Viden-Vratsa (e.g., *Bononia*, *Vorovum Minor*). Although **Icacidunum* has been analysed within the onomastic landscape of Moesia Inferior, historically and geographically its affiliation with these Celtic remnants is more likely. In fact it seems possible to consider it to be another "Celtic enclave", comparable to that in the vicinity of the Danube delta (area of *Noviodunum*).

Turkish in the Balkans: Roles and Reversals

Turkish occupies a unique position in any discussion of minority languages in the Balkans. The political and cultural hegemony of Turkish during the Ottoman period gave it the kind of prestige associated with majority languages, and Turkish vocabulary continues to be a site for the exercise of lexical and symbolic power and contestation in the Balkans even ninety years after Turkey in Europe was reduced to the territory of Eastern Thrace. However the significance of this vocabulary changes according to a number of variables. The object of puristic movements during nation-state formation (even in Turkey itself, since many of these words were of Arabo-Persian origin), this same lexicon was used to signify democracy in ex-communist Balkan countries during the 1990's. In the former Serbo-Croatian, however, the treatment of Turkisms has been more complex both in the past and today. Moreover, in the newly emerging Aromanian and Romani standard languages Turkisms have become symbolic capital in the construction of a new establishment. In Balkan Turkish itself, changes in the past decade or so have been reflected in access to norms. There is also the question of the interface between Turkish and the oppositions Christian/Muslim and urban/rural, which are not matters of simple one-on-one mapping. Furthermore, despite the usual emphasis on Turkisms as a shared component in the Balkan linguistic league, there are also important divergences in the selection of Turkish vocabulary in the individual languages. This paper will examine these issues, expanding on themes covered in the author's recent collection of articles *Turkish in Macedonia and Beyond* (Harrassowitz, 2003).

Outlines of the Current State of Sephardic

From a strictly linguistic point of view, two problems are to be solved: (a) the question whether or not Sephardic is a language of its own, distinct from peninsular Modern Standard Spanish, (b) should Sephardic be standardized as a fully developed literary language? Both questions have to be answered with delicacy.

Principally, Sephardic has preserved its Spanish structure, but with a reduced inventory of morphological patterns and decreased opacity in word formation. The syntax of modern written Djudezmo varieties follows French patterns to a large extent (esp. use of subjunctive in dependent clauses), whereas classical Ladino applied rules of Hebrew syntax and phraseology. The prominence of aorist («pasado simple») is remarkable in dialect transcripts. Spoken varieties follow patterns borrowed from the respective contact languages in South East Europe, but Turkish influence is restrained to lexical items and phraseology. If Sephardic has any significance for general linguistics, then rather in sociolinguistical aspects than in questions of typology. The written variety avoids features that are not generally understandable and represents, therefore, an impoverished register. In texts written by learned people, those morpho-syntactic features that Sephardic shares with South European vernaculars (Slavic, Greek) tend to nil, but syncretism in vocabulary remains noticeable. In this respect, one can say that, with a certain delay, Sephardic follows the same path as, e. g. Rumanian or Bulgarian, where features typical for the whole area are banned into substandard varieties, and convergencies with cognate languages (French, Russian) are deliberately strengthened, whereas characteristic features of the linguistic area are diminishing in literary use.

Although corpora of diatopical varieties are extant, the material is far from being sufficient. For instance, no material from the small Sephardic community in Southern Albania has been registered. Since the generation born in Bulgaria, Rumania or other regions of that area is in very advanced age, this work has to be done in a short time. However, probably the result will be, that more instances of code-copying from contact languages will be documented and no uniquely Sephardic structures will be discovered. Therefore, dialectology is one very promising field to be pursued in Sephardic linguistics. Its results may be of typological interest, but will not apply to Sephardic as a whole.

Das Aromunische und seine Dialekte: Charakteristika, Verbreitung, Zustand, Kenntnislücken

Das Aromunische (*armâneaști*, seltener *rrămănești*, lokal *vlăheaști*) gilt neben dem Meglenorumänischen, dem Istrorumänischen und dem Dakorumänischen als einer der vier Dialekte des Balkanromanischen. Sein Status als Sprache oder Dialekt ist umstritten. Der Schwerpunkt des Vortrags liegt auf der dialektalen Gliederung des Aromunischen, den typischen Zügen der Mundarten, ihrer Verbreitung sowie den Forschungsdesiderata.

Da die Aromunen über Jahrhunderte als nomadische Hirten eine sehr mobile Gesellschaft darstellten, ist ihre Verbreitung heute ausgesprochen dispers. Ihre inselhafte Verbreitung hat den nahezu vollständigen Verlust des Kontaktes zwischen einzelnen aromunischen Bevölkerungsgruppen verursacht und somit vielerorts die Beziehungen zu größeren Nachbarvölkern in den Vordergrund gestellt. Die stärksten Beeinflussungen erfuhr das Aromunische durch das Griechische, da kulturelle und wirtschaftliche Aktivitäten der orthodoxen Aromunen an die griechische Kultur gebunden waren. Doch auch durch die anderen Nachbarsprachen ist es zu Beeinflussungen gekommen, spätestens im Laufe des 19. Jahrhunderts auch durch das Dakorumänische.

Die Mobilität spiegelt sich in der Verbreitung der Dialekte wieder. Innerhalb der Weidegründe und Wanderrouten und damit in der Regel entlang der Flusstäler, werden meist sehr ähnliche Mundarten gesprochen. Eine mit romanischen Sprachen im westlichen Europa vergleichbare dialektale Gliederung fällt schwer, da die hohe Mobilität viele Mischdialekte entstehen ließ. Die Einteilung Papahagis in fünf Zweige (*Pindeni*, *Grămușteni*, *Fărșeroți*, *Moscopoleni*, *Muzăcheari*) beruht überwiegend auf ethnographischen Kriterien. Sprachliche Kriterien hingegen, mit denen diese Zweige voneinander abgetrennt werden könnten, fehlen. Caragiu Marioțeanu unterscheidet zwischen zwei Grundtypen, dem farscherotischen und nicht-farscherotischen. Wenn diese Einteilung auch den Nachteil hat, dass zur farscherotischen Gruppe auch Sprecher zählen, die sich nicht als Farscheroten bezeichnen, ist diese Unterteilung zumindest einigermaßen scharf abgrenzbar, wie Sprachatlanten beweisen (Kramer, Dahmen, Neiescu). Sie stimmt außerdem weitgehend mit der Sprachbezeichnung durch die Sprecher selbst überein: "*rrămănești*" sagen Sprecher der farscherotischen Gruppe, "*armâneaști*" die übrigen.

Jüngere Forschungen zum Aromunischen wurden von Caragiu Marioțeanu vor allem mit strukturalistischen Methoden betrieben und von Saramandu, der vor allem zur taxonomischen Phonologie gearbeitet hat. Darüber hinaus ist seit

einigen Jahren die Zahl aromunischer Textsammlungen sowie der Dorfmonographien gestiegen. Desiderata sind jedoch genau lokalisierte Texte. Darstellungen zu lautlichen und morphologischen Phänomenen sind zu finden, während Darstellungen der Syntax völlig fehlen – insbesondere auch zu den Einflüssen der Nachbarsprachen auf die aromunische Syntax. Ebenso vernachlässigt wurden soziolinguistische Themen wie die Rolle der Geschlechter, Mehrsprachigkeit, language switching und image. Leider mangelt es auch an einem gemeinsamen Konsens zur Schreibweise des Aromunischen.

Судьба болгарского диалектного ядра в районе Салоник

Вот уже более полутора столетий слава уникального языкового заповедника неизменно привлекает внимание болгарских и иностранных ученых к болгарским говорам в районе Салоник. Древние диалекты сел *Зарово*, *Висока*, *Сухо*, *Негован*, *Градобор*, *Айватово*, *Ново село*, *Балевиц*, *Киречкьой* и *Клисели*¹ создают ту самую оригинальную и неповторимую грамматическую и лексическую систему западнорупского салоникского говора, которая превращает его в исходную базу данных по истории болгарского языка. Этот факт наряду с тем исторически сложившимся обстоятельством, что "из всех говоров болгарского языка, которые существовали, хоть и не так сильно различаясь между собой, уже в IX в. и существуют сегодня, лишь одному – салоникскому – говору было предопределено стать основой древнейшего и формально богатейшего славянского языка"², предопределяет оправданный и не прекращающийся до сегодняшнего дня научный интерес славистики к этой диалектной области. Именно эта незначительная и несистемная диалектная дифференциация IX-го века превращает салоникский ареал, согласно распространенному мнению, в представителя "состояния всего древнеболгарского языка"³.

Как уже очень хорошо известно, внимание европейских ученых к этой диалектной области было привлечено еще в середине позапрошлого века, когда в газете "Съветник" (№ 29 от 7 октября 1863 г.) было помещено письмо из села Висока, язык которого изобиловал примерами сохраненного назализма. Последовавшие исследования обнаружили исключительно архаичное диалектное ядро (по терминологии польского ученого Мечислава Малецкого), включающее говоры сел Зарово, Сухо и Висока. Хорватский ученый Ватрослав Ягич сумел направить своего наиболее талантливого ученика словенца Ватрослава Облака на месте обследовать Салоники и их район. Сведения, которые последний сообщил ученому миру об этих говорах, надолго стали основой для определения характера салоникского диалекта и решения вопроса о генезисе болгарского языка⁴.

Особый интерес представляет развитие этих говоров в течение последовавшего столетия. В первый день Второй (Межсоюзнической) Балкан-

¹ Младенов М. Сл. Солунски говор// Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1993. С.185.

² Младенов Ст. Българската реч в Солун и Солунско// Младенов Ст. Избрани произведения. София, 1992. С.332.

³ Кочев Ив. Старобългарските диалектни явления и понятието солунски говор// Български език, 1987, кн. 3. С.174.

⁴ Oblak V. Macedonische Studien. Die slavischen Dialekte des südlichen und nordwestlichen Macedoniens. Wien, 1896.

ской войны в 1913 г. село Зарово – село с исключительно болгарским населением, ревностно сохраняющее родной язык и самосознание, было уничтожено до основания и никогда уже больше не было восстановлено. Его жители спасаются бегством в Болгарию, где многие расселяются по всей стране, а несколько десятков семей оседают более-менее компактно в юго-западной Болгарии. Там их в течение более чем 20 лет изучала женщина-историк, потомок заровцев, спасшая для науки заровский говор с его оригинальными фонетическими чертами (многочисленные следы назализма, гласный *ь* на месте др.-болг. *ы*, широкая артикуляция рефлекса *я*), а также морфологическими и прежде всего лексическими особенностями. Начавшаяся постепенная эллинизация говоров сел Сухо и Висока (сам Облак отмечает, что его единственный информант из Сухо говорит по-гречески так, как говорят в Сухо) была уже в значительно более продвинутой стадии в середине 30-х годов прошлого века, когда их изучал Малецкий, представивший подробные сведения о языке всех поколений в каждом из двух сел отдельно.

Таким образом, и сегодня заровский говор (несмотря на смешение с другими говорами и постепенную утрату бывшего колорита и самобытности) все еще остается для давнего уникального болгарского диалектного ядра в районе Салоник "стволом, утверждавшим в трех лагадинских селах Висока и Сухо старые формы и обороты нашего языка"⁵, и поэтому еще рано соглашаться с тем, что он "может быть, рухнул безвозвратно"⁶.

⁵ Попстоилов А. Село Зарово, Солунско. Историко-фолклорно и езиковедско изследване. София, 1979. С.77.

⁶ Там же.

Der Dialekt von Kastelli (Peloponnes, Achaia, Bezirk Klitorolefkasia)

Der südgriechische Dialekt des kleinen Gebirgsdorfs Kastelli ist durch seine phonetisch-phonologische und morphologische Nähe zur Standardsprache ein idealer Dialektvertreter des Neugriechischen. Die phonetische Ähnlichkeit erlaubt unter anderem die Verwendung der Standardorthographie, wobei zu beachten ist, daß der dentale Nasallaut [n] und die Sibilanten [s], [z] vor dem Vokal [i] palatalisiert werden.

Im Dialekt werden einerseits Innovationen im Vergleich zum Standard beobachtet, andererseits gibt es auch viele konservative Elemente.

Auffälliges morphonologisches Phänomen ist die Vermeidung von geschlossenen Endsilben auf *-n*, die zu *-ne* umstrukturiert werden, eine eindeutige Innovationstendenz im Neugriechischen.

Das Augment im Präteritum bleibt auch bei mehrsilbigen Formen erhalten und ist kein Akzentträger. Das ist ein konservatives Element, was der Dialekt im Vergleich zum Standard vorweist. Es gibt mehrere solche Archaismen, die von der Morphologie bis zum Lexikon reichen. Zu erwähnen sind Verbalformen wie die *k*-Aoriste, die Präsenspartizipien mit Adverbialfunktion auf *-οντα*, oder Wörter wie *πινός*, *βορός* u.a., die vom größten Interesse auch für die Gräzistik sein können.

Die Mundart von Kastelli zeigt syntaktische Abweichungen zum Standardgriechischen, die vor allem an der Mündlichkeit des Dialekts begründet sind: etwa die Bildung einer Topik im Nominativ parallel zu einem bereits existierenden Subjekt. Der analytische und parataktische Stil und teilweise die Verbserien mit Phasenverben sind typisch und häufiger als im Standard.

Das auffälligste Merkmal des Dialekts dieser Region betrifft das Lexikon – und zwar weniger die Wortbildung, die oft andere Distribution der Suffixe als im Standard aufweist, sondern viel mehr die Lexeme an sich. Neben den zahlreichen Entlehnungen aus dem Türkischen, Italienischen und Albanischen gibt es auch manche Slavismen, meist auch dem Standard bekannt, teilweise auch neu wie das Wort *propadi* für ein großes Loch oder einen Abgrund in den Felsen.

Die Gesamterscheinung des Dialekts macht einen sehr 'balkanischen' Eindruck, wobei erst die Erstellung der Isoglossenkarten den Grad der linguistischen Balkanizität aufschlüsseln kann.

**Албанизмы в болгарском языке
с точки зрения контактной семантики**

Контактная семантика как относительно новая область контактной лингвистики применяется в докладе для анализа албанизмов в социальных и территориальных диалектах болгарского (и македонского) языка.

Уточняется, в каких семантических полях концентрируются албанизмы и какие выводы можно сделать из этого.

Производится сравнение с рассмотренными мною до сих пор результатами языковых контактов с участием других языков с целью установления соответствующих аналогий.

Обсуждаются составные элементы отдельных семантических полей, в формальном плане комментируются явления перехода из одной части речи в другую, а также рассматриваются семантические изменения, которые произошли в результате языкового контакта, то есть как лексемы изменили свои значения после того, как они были заимствованы в социальные и территориальные диалекты болгарского (и македонского) языка.

Примером может служить рассмотрение языкового контакта цыганского языка с болгарским языком с точки зрения этимологии и контактной семантики в работе: Leschber C. Semantische Vorgänge bei lexikalischen Übernahmen aus dem Romani in diastratische Varietäten des Bulgarischen. Romani IV. Grazer Linguistische Studien 58 (Herbst 2002). (Hrsg.) D. Halwachs et al. Graz, S.57-101.

On the Language of the Vlach Folklore

(I) A Song as a Language Symbol. The Vlachs were living all over Balkan countries and they were permanently exposed to various influences and assimilation, but it was not an obstacle for their close intercommunication in the field of culture. A lot of migrations by Vlach nomads, artisans and merchants contributed a lot to it. Under conditions of undeveloped literacy, as it was the case with Vlachs, the whole culture was transmitted orally from generation to generation. As regarding to songs, it's a fact, that they give pictures of all kinds of human life. According to their structure, motive and idea messages, those songs begin with everyday life. Because of this, the essence of their language code is actually a convention, which exists only among people within each social and cultural environment. The poetic folk work of each nation is a universal proof for this. With the song, as a language condensate symbol, the folk singer, that is the nation, expresses his feelings, complains, begs, accuses and tells the truth. The songs are first of all folk works and they contain in them folk characteristics that are incorporated in the context or discourse. Beside this, they have language-stylistic characteristics representing an enormous linguistic treasure. Because of this, the folk song is an important language symbol that carries in itself series of specific characteristics and possibilities, not only for artistic creation but it is also a segment in the building and functioning of Vlach language.

(II) The Vlach folk tales. The types characteristics of the Vlach tales from Kruševo (registered by the author during the last 20 years) can be also subject to analyzes. Although narrators are more or less skilled regarding the narrating skill, with various temperament and narrating affinity, they have narrated the tales at clean and fluent Vlach language. This is especially important since narrators, because of the lack of educational system in Vlach language, were educated in Greek, Romanian, Bulgarian or Serbian language and the family appears to be the only guardian of the mother tongue. The Vlach patriarchal family is one of the most important carriers of the tradition, since the narrators have learned the tales from the members of the closest family. It has contributed also to the preservation of some archaic elements that are found in the tales. The tales are different regarding their types. They have international motives, that are in accordance with the international index of Aarne-Thompson "The Types of the Folktales".

**Об изученности народных говоров сербского меньшинства
в балканских странах**

В докладе в наиболее общих чертах характеризуется степень изученности говоров сербских национальных меньшинств на Балканах, т.е. в Хорватии, Румынии, Македонии и Албании. Речь идет о славянском населении, автохтонном в этих странах. Особое внимание направлено на представление степени изученности сербских народных говоров в Румынии и Албании, для которых характерно то, что все отклонения от состояния, обычного для говоров на территории Сербии и Черногории, суть следствие их периферийного положения и непосредственного иноязычного на них влияния. Особое внимание уделено проблемам разновременной ассимиляции и гетеротропии в дальнейшем развитии сербских говоров в иноязычном окружении. Серьезное изучение народных говоров вне основной территории распространения языка немыслимо без привлечения соответствующей исторической, этнологической, антропологической, социологической и психологической информации. Вне всякого сомнения, у остаточного сербского населения в этих странах имеет место и процесс глоттофагии. Именно эти два факта – рецентность и глоттофагия – заставляют продолжать и расширять исследования сербской этнолингвистической популяции в соседних балканских странах.

Towards an Electronic Corpus of the Bulgarian Dialects in Romania

This paper presents for discussion the challenges in decision-making faced by the creator of a bilingual corpus of spoken language in our computer era. The planned corpus is based on interviews tape-recorded in the 1960s and 1970s by a team of Bulgarian and Romanian scholars: Stojko Stojkov, Maxim Sl. Mladenov, Gheorghe Bolocan, Virgil Nestorescu, Olimpia Guțu, Mile Tomici, Corneliu Reguș, Emil Vrabie, Kiril Dimčev, Zlatca Iuffu, Ioan Robciuc and Dumitru Zavera. The electronic corpus will be created in three stages. The first of those is underway. It involves the substantial body of the interviews (estimated 350,000 words) that was transcribed by M. Sl. Mladenov. Here is a brief overview of its outcomes:

Introduction: extensive English summary of *Българските говори в Румъния* (София: Издателство на БАН, 1993) by M. Sl. Mladenov and a bibliography of the studies on the Bulgarian dialects in Romania.

Transcribed interviews by village. The corpus opens with a map of Southern Romania that includes all villages. By clicking on the name of a village, users reach the texts that were recorded in it, which are prefaced by a short presentation of the village and its dialect in English. Each conversation is in a separate file. Each utterance is explicitly attributed to a speaker. Intonation units are assigned separate lines, which are numbered. Cross-referencing is done by file name and line number. At the beginning of each file there is an English-language list of the topics touched upon in the conversation, referenced by line number. If there is an audio file to go with the conversion, a hyperlink to it allows users to read the transcribed text while listening to the conversation. The text is footnoted: all Romanian phrases are written out according to Romanian spelling and translated into Bulgarian.

Work at the second stage will focus on the creation of a concordance. This is the possibility to search automatically the entire corpus by word and get a list of all the usages in context. A complete index of all forms used by informants (as opposed to interviewers) by file name and line number groups together all grammatical forms of a word. It can serve as the basis for a dictionary and a grammar of the dialects.

At the third stage the interviews from ten villages that have not been transcribed yet will be incorporated into the corpus according to the plan outlined above.

Болгарские ареальные соответствия славянским заимствованиям арумунского диалекта

Исследование заимствований из одного языка в другой может быть посвящено этимологии заимствований (поискам точного этимона, фонетическим проблемам этимологизации), их семантике (включая сюда семантические сдвиги при переходе слова из языка в язык и попытку определить характер и экстралингвистические обстоятельства языкового контакта по разной степени наполненности отдельных тематических групп), стилистической характеристике, распространению в диалектах языка-преемника и т. д. В настоящем докладе внимание сосредоточено на болгарских ареалах этимонов славянских заимствований в арумунском диалекте. На материале славянских заимствований в дакорумынском диалекте и румынских заимствований в болгарском языке плодотворность подобного подхода была проиллюстрирована М. Сл. Младеновым, который, картографируя на одной карте болгарские и румынские ареалы этих слов, показал, что имеется типология взаимоотношений между ареалами в этих двух языках. Подобный тип исследований (как и вообще всякое изучение заимствований) может решать как проблемы болгарского, так и румынского языкознания (и шире славистики, романистики и балканистики).

Болгарская ареальная лингвистика до сих пор занималась прежде всего следующими типами макрочленений болгарской языковой территории: 1) запад противопоставляется востоку; 2) запад и юг противопоставляются северо-востоку; 3) север противопоставляется югу; 4) иногда на предыдущие типы наслаивается и другое ареальное членение, при котором юго-запад (или часть югозападных диалектов) связывается не с западом или югом, а с севером, востоком или северо-востоком.

Исходя из существующих опубликованных и архивных болгарских лексических карт в докладе будут поставлены следующие вопросы:

1) Какие из славянских заимствований в словаре Т. Папахаджи и известной работе Е. Скэрлэтою можно охарактеризовать с точки зрения географического распространения их этимонов в болгарском языке? Можно искать и информацию о распространении этих славянских заимствований в арумунском диалекте по данным румынских, арумунских и многоязычных атласов, но я не думаю, что есть материалы для картографирования достаточного количества слов и на арумунской территории.

2) С какими болгарскими ареалами связывается арумунский диалект – только с теми, с которыми находится и сейчас в контакте – т.е., с южным,

(юго-)западным ареалом – или и с восточным, северным и северо-восточным ареалами?

Идеальный подход к поставленной проблематике предполагает:

1) определение болгарских ареалов всех славянских заимствований в арумьнском;

2) учет не только болгарской, но вообще южнославянской и даже общей славянской ареальной картины;

3) одновременное картографирование арумьнского и славянского ареалов;

4) принятие во внимание общерумьнской и общевалканской ареальных картин;

5) картографирование не только слов славянского происхождения, но и заимствований, проникших из болгарского в арумьнский диалект.

К сожалению, подобный максималистический подход на настоящем этапе исследований последовательно применить невозможно. Но я уверена, что и на основании 30-40 карт можно будет очертить типологию болгарских ареальных соответствий славянским заимствованиям в арумьнском и определить перспективы будущих разысканий в этой области.

Говоры трех мусульманских славянских этнокультурных групп на юго-западе Косово и Метохии

В многоязычном автономном крае Косово и Метохии по состоянию до июня 1999 года были представлены сербские, албанские, цыганские и турецкие говоры. На юго-западе края (в южной Метохии и северной части Шар-Планины) проживали различные этнокультурные и этнолингвистические группы, как славянские, так и неславянские. С одной стороны, говорящие на славянских (т.е. сербских) говорах в этом районе различаются между собой по вероисповеданию – православному или мусульманскому; с другой, – единое вероисповедание способствует межъязыковому контакту и взаимовлияниям. Говоры славянских этнокультурных групп на юго-западе Косово и Метохии представляют собой окраинную область сербского языка, диалектно дифференцированную на восемь типов говоров различных по степени взаимного родства. Говор здесь является характеристикой этнокультурной специфичности: так, мимикрический этнический трансферт некоторых славянских групп мусульманской конфессии на юго-западе Косово и Метохии в албанский этнос не всегда сопровождается также и языковым трансфертом.

Доклад посвящен трем мусульманским группам сербской языковой принадлежности: горанам, прекокамцам (жителям трех сел на окраине южной Метохии) и средчанам (на их говоре говорят и православные христиане). Характеризуются диалектные контакты этих славянских мусульманских групп с носителями западномакедонских говоров пологско-кичевской миграционной струи, осуществлявшиеся на горе Шар-Планина; наиболее интенсивны они в горанском говоре.

(1) **Гора.** У представителей этой группы ясно выражено самосознание их славянской этнокультурной специфичности. Во взаимной коммуникации они пользуются местным говором независимо от языкового окружения и весьма устойчивы к лингвистической ассимиляции. Гораны живут в трех государствах – в Сербии (17 сел в югозападной части Косово и Метохии), в Албании (9 сел) и в Македонии (в двух селах, где они представляют лишь часть населения). Лишь в Сербии они обладают статусом отдельной этнокультурной группы. Несмотря на то, что в 1925 году они оказались в двух государствах (Королевстве СХС и Албании), они себя считают частью единой этнокультурной группы. Говор горанов представляет собой диалектную систему с доминирующими чертами периферийных западномакедонских говоров и инфильтрацией сербских черт. Это

единственный славянский говор на юго-западе Косово и Метохии с развитым определенным артиклем.

(2). **Прекокамцы** живут в окружении православных сербов и албанцев. У них слабее развито самосознание о славянском (сербском) происхождении, чем у горанов. Говор прекокамцев принадлежит к смешанному типу. В нем появляются характеристики всех окружающих его местных сербских говоров: в основах слов ситуация типично сербская, в грамматических морфемах более значительно количество македонизмов, некоторые морфологические свойства близки сербским говорам. Новые явления, общие с горанским говором свидетельствуют о контактах между этими двумя идиомами.

(3) В **Сретечкой жупе** диалектный тип не обусловлен вероисповеданием. В этом говоре в основах слов ситуация типично сербская, а македонизмы являются в формообразующих морфемах. В "верхних" сретечких селах, где живет только мусульманское население, существуют новые явления, развитые в контактах с говором горанов.

The Structure and the Evolution of the Verbal Forms in Macedo-Romanian

The present paper analyzes the structure of the indicative forms in Macedo-Romanian, which are representative for the diachronic study of this language. The study is based on the comparative-historic method and offers a general view of the issue discussed, Macedo-Romanian being considered as a Romanic idiom which developed within a Balkan context.

Considering the Macedo-Romanian dialect, we notice the absence of the Supine (as in other dialects, such as Megleno-Romanian or Istro-Romanian). The Infinitive is present with its long form inherited from Latin. Used especially as a noun, long Infinitive has not lost its verbal value in expressions with the verbs *va* 'trebuie' and *lipseáști* 'trebuie'. We notice that Past Tenses – generally speaking – expressed through periphrastic forms have been preserved. Thus, Past Perfect (*mai mult ca perfectul*) indicative in Macedo-Romanian is an analytic tense, formed from the auxiliary *am*^u 'am' in Imperfect Indicative and the Past Participle of the verb (in the feminine form, ending by vowel *-â* (*-ă*): *aveam lucratâ*). Referring to the origins of the Past Perfect, Theodor Capidan states that it must be looked in other Balkan languages, which influenced the Megleno-Romanian dialect, too.

When we study the verb synchronically and diachronically, we observe the complexity of the Macedo-Romanian verbal endings regarding both their number as well as their stem structure. The analysis of the endings characteristic to the Indicative led to the identification of the verbal affixes according to the characteristic conjugation. Ex., verbal borrowings from Greek, Slavonic, Turkish and Albanian can be grouped in Macedo-Romanian in the 4th conjugation and very few in the 1st conjugation.

Die Konikovo-Evangeliumshandschrift: Ein neuer Fund

Eine finnische Forschungsgruppe, die z. Zt. antike und mittelalterliche griechische Dokumente, Archive und Bibliotheken in der Bibliothek des Patriarchats in Alexandria untersucht, hat vor kurzem eine griechisch-slavische Handschrift entdeckt. Dieser Beitrag informiert die wissenschaftliche Öffentlichkeit über den Fund und beschreibt kurz die sprachlichen Merkmale dieser Rarität. Ein Vergleich mit dem von Jordan Ivanov (*Български старини из Македонија*, 1931, 1971²) veröffentlichten Bruchstück des sog. Konikovo-Evangeliums zeigt, dass der Text dieses im Jahre 1852 in Thessaloniki erschienenen Buches auf der neu entdeckten Handschrift basiert. Der Name des Evangeliums geht auf das Heimatdorf (Konikovo = Stiba) des Übersetzers zurück. Auf dem Titelblatt des Buches steht "Prepisano i diortisano ot mene, Pael Iromonach", was wahrscheinlich auf Pavel Božigrobski hinweist.

Die Handschrift beinhaltet ein griechisches Evangelium (Sonntagevangelium) und dessen in griechischen Lettern abgefasste slavische Übersetzung. Das letzte nummerierte Blatt trägt die Seitenzahl 120, aber ursprünglich muss die Handschrift weitere Seiten enthalten haben. Außerdem sind einige Seiten verloren gegangen. Die Handschrift ist zweisprachig (griechisch-makedonisch), wobei besonders zu beachten ist, dass beide Sprachenformen eine lebendige Volkssprache darstellen; es handelt sich also nicht um Kirchensprache. Dem slavischen Teil ist eine besondere Bedeutung beizumessen, denn er ist der älteste längere schriftliche Beleg für diejenigen Dialekte, die der heutigen makedonischen Standardsprache zu Grunde liegen. Dies gilt sowohl für den grammatischen Bau wie auch für das Lexikon. Die neu entdeckte Handschrift zeigt aber auch, dass die Übersetzungsgeschichte anders verlaufen ist, als bisher angenommen wurde. Auch zeigt ein Vergleich mit der gedruckten Version, dass die Handschrift die "slavischen" Laute (vor allem die Zischlaute) der betreffenden Mundart präziser wiedergibt als das gedruckte Buch. Heute scheint die gedruckte Version des Evangeliums verloren gegangen zu sein. Auch liegt keine wissenschaftliche Ausgabe vor.

Die Handschrift wird z.Zt. von einer finnischen Forschungsgruppe (N. Graves, J. Lindstedt, J. Nuorluoto, M. Leiwo, M. Hakkarainen). Eine wissenschaftliche Ausgabe samt Faksimile (auf CD-ROM) und Sprachanalyse ist für die nahe Zukunft geplant.

Культурный диалект родопских помаков

В основу настоящей работы легли полевые материалы, собранные совместно с Е. С. Узеновой во время экспедиции 2001 г. в восточнородопское село Аврен (Крумовградская община, округ Кырджали), организованной обществом ДИОС (руководитель – проф. Т. Спиридонов). В Аврене в настоящее время проживают принявшие ислам болгары – так называемые "помаки". Опрос информантов проводился по этнолингвистическому вопросу, составленному как часть программы обследования балканских диалектов для "Малого диалектологического атласа балканских языков" (см. *Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996*).

Традиционная народная культура села включает несколько разных, но тесно взаимодействующих между собой пластов. Помимо основной исламской духовной доминанты прослеживаются архаические элементы, свойственные болгарской традиции, а также общие для всех балканских славян явления в сфере культуры и отражающей ее лексике. Соприкосновение с соседствующей христианской традицией (а возможно и отражение более глубоких ее корней в сознании помаков) определяет тот факт, что практически все жители села прекрасно знают не только дни христианских праздников, но и комплекс народных поверий, с ними связанных. Некоторые народные ритуалы, приуроченные к христианским православным праздникам, исполняются в селе Аврен, прежде всего те из них, которые направлены на обеспечение благополучия людей (достижение плодородия, здоровья, достатка) и охрану от "нечистой силы", диких зверей, насекомых и пр. Эти ритуалы и связанные с ними поверья вплетаются в общую ткань народной духовной культуры, определяемой жителями села как «помакская».

Сведения о традиционной народной культуре из других мусульманских сел в Родобах, зафиксированные в сборнике "Родопи" (София, 1994), позволяют составить картину культурного диалекта родопских помаков. Основные его черты свидетельствуют как о принадлежности к восточной зоне южной Славии и конкретно – к южному балканославянскому поясу, охватывающему, помимо Родоп, Сакар, Странджу, Пирин, центральную и южную Македонию, так и о его своеобразии, связанном преимущественно с конфессиональной спецификой носителей традиции.

Карашевские говоры – язык или диалект славянских языков?

В этнически пестром румынском Банате существует, как известно, маленький славянский остров, который носит название *карашевцы*. Эта группа своими архаическими и специфическими особенностями (архаические говоры, специфические обычаи, одежда, менталитет и католическое вероисповедание) с XIX в. по наши дни привлекает внимание учёных. При отсутствии исторических документов ответ на вопросы *Кто такие карашевцы?* и *Какому языку принадлежат их говоры?* пытались дать ответ лингвисты и этнографы. Публикаций на эту тему достаточно, но выводы их часто противоречивы. В докладе рассматриваются этнографические и лингвистические исследования и полученные результаты начиная со второй половины XIX в. Особое внимание уделено лингвистическим работам, которые в значительной мере привели к прояснению вопроса о происхождении карашевцев и их говоров. В истории исследования говоров карашевцев автор выделяет три периода: (1) вторая половина XIX века – 1918 г., (2) 1918-1945 гг., (3) 1945 – по настоящее время.

До начала XX века велись споры о происхождении этого населения и его говоров и выдвигались разные теории. Например, что карашевцы – особый народ и что они являются предками первых южных славян, которые заселили Дакию (Банат), или что они болгарского, сербского, хорватского происхождения, или что они суть некая смесь балканских народов и т.д. В начале XX в. благодаря лингвистической аргументации Л. Милетича было установлено, что говоры карашевцев являются архаическими сербскими говорами. Во втором периоде исследования вопроса (в 1935 г.), этот тезис поддержал новыми аргументами известный румынский славист Э. Петрович, а в третий период – многие другие слависты (П. Ивич, М. Томич, М. Н. Радан и др.). Большинство славистов и этнологов считает сегодня, что говоры карашевцев сербские, а спорным остался лишь вопрос, какому диалекту они принадлежат – косовско-ресавскому или тимокско-лужицкому. В докладе для подтверждения этого тезиса приводятся наиболее характерные фонетико-фонологические, морфологические, морфосинтаксические и лексические особенности карашевских говоров, делается вывод о том, как и когда образовался этот славянский остров в румынском море.

**Малый диалектологический атлас балканских языков:
взгляд на цыганский**

0. Сами задачи и способ составления МДАБЯ диктуют необходимость его ограничения "классическими" балканскими языками. Вместе с тем, обращение – в качестве своеобразного дополнения или комментария – к языкам, стоящим как бы на периферии БЯС (цыганскому, сефардскому и др.), как кажется, представляет определенный интерес.

1. Проблема балканского компонента в цыганском в последние годы не раз становилась предметом пристального изучения (см. работы Н. Борецки, Б. Иглы, В. Фридмана и Я. Матраса). Не перечисляя хорошо известные цыганские балканизмы, отмечу некоторые общие особенности положения цыганского языка на Балканах, также неоднократно отмечавшиеся:

- сравнительно позднее появление цыган на Балканах;
- ярко выраженная асимметрия в контактных отношениях цыганского с языками окружающего населения;
- чрезвычайно высокий уровень диалектной диверсификации цыганского (как на Балканах, так и вне их), объясняемый как миграционной лабильностью цыганского этноса, так и открытостью к контактному влиянию.

Все это приводит к тому, что при обращении к какому-либо конкретному цыганскому диалекту, бытующему на Балканах, выясняется, что большая часть наблюдаемых «балканизмов» может быть достаточно легко объяснена достаточно поздним контактным влиянием языка непосредственного окружения. Ситуация отчасти сходна с положением, например, некоторых "вторично балканизированных" сербских говоров (например, говоров албанско-черногорского пограничья). С другой стороны, возникновение "классических" балканизмов происходило, по всей видимости, таким же образом и мы просто не можем восстановить конкретную лингвистическую и социолингвистическую ситуацию.

2. В докладе делается предварительная попытка применить программы МДАБЯ к доступному материалу цыганских диалектов на Балканах. Такой подход наталкивается на определенные трудности. Так, большая часть лексической анкеты не применима к цыганскому по этно-хозяйственным причинам. Характер описаний цыганских диалектов не позволяет, разумеется, ответить на *все* вопросы синтаксической анкеты.

Для иллюстрации выбраны анкеты – синтаксические и семантические – опубликованные в "Пробном выпуске МДАБЯ" (München 2003). Объек-

том приложения анкеты является идеализированный "цыганский диалект на Балканах", если это возможно, информация о вариантном отражении явления в отдельных диалектах детализируется. Делается попытка отделить «общецыганские» явления (индийского происхождения, или обязанные балканскому влиянию) от феноменов, возникших под влиянием отдельных балканских языков.

В качестве примера отметим, что самый предварительный анализ семантической анкеты выявил в цыганских диалектах на Балканах по крайней мере 31 балканизм из 73 картографированных (αμόρη, δρόμος, καλύβα, κάθε, κεραμίδα, πυροστιά, [*bastone], [*fortuna], [*furca], [*furnus], [*fustanum], [*geusiae], [*mustacea], boya, çember, çerga, çizme, çoha, dohan, dolab, mehalle, папус, peşkir, pencere, raqi, teneke, tencere, [*obor], [podъ], [kopil], [vatra], см. прежде всего: Boretzky, Iglă 1994, а также Петровски, Величковски 1998 и др.). Заметим, что при попытке дифференциации этого материала по диалектам выявляются значительные различия в его диалектной дистрибуции в зависимости от этимологии. Так большая часть латинизмов фиксируется в диалектах влашской группы, заимствовавших их, скорее всего, непосредственно из румынского.

Quelques considérations sur le rapports linguistiques entre l'Aroumain et les langues slaves

Nous voulons aborder le problème des éléments lexicaux slaves du roumain du point de vue de l'ancienneté, de l'extension géographique et de la position dans le système lexical. Tous ces trois aspects sont entrelacés avec un problème particulier de la linguistique balkanique, à savoir l'identification de l'idiome sud-slave qui a fourni au roumain tel ou tel mot. Nous considérons que faire remonter au vieux slave tout élément lexical slave ayant en roumain une extension géographique "extrême" (c'est-à-dire comprenant toutes les variantes dialectales) est une entreprise qui, bien que "consacrée" par la tradition, doit être corroborée par l'examen de l'extension que l'élément lexical en question a dans les langues sud-slaves actuelles. Nous sommes obligés, par ailleurs, de faire "redescendre" certains éléments lexicaux à des époques plus récentes et de restreindre le territoire où il faut chercher sa source à un idiome sud-slave précisément identifié. Cette "réduction" présente plusieurs aspects:

- des mots identiques du point de vue phonétique et notionnel ont des positions différentes dans le système du chaque dialecte (en l'espèce, l'aroumain et le dacoroumain); par ex., ar., dr. *rac* 'écrevisse' ont des sources slaves différentes (bulgare/macédonienne, respectivement serbe);
- des mots en partie différents sous l'aspect phonétique aussi bien que sémantique sont profondément séparés sous l'aspect "géographique" et surtout chronologique de l'étymologie; par. ex., ar. *arnescu* 'nettoyer' (< bg. *руна*, mac. *руне*) s'oppose au dr. *rânesc*, qui remonte au vieux slave (< vsl. *raniti* 'trudere').

En restreignant la portée de nos investigations sur l'aroumain, nous avons réussi à identifier un certain nombre de cas où les particularités phonétiques ou sémantiques de certains reflets de mots slaves à extension "pan-balkanique" indiquent sans doute une source particulière: le macédonien (langue dont on n'a guère tenu compte dans la description de l'élément lexical slave en aroumain). Il y a, en outre, des cas où l'aroumain possède des doublets étymologiques (source bulgare/macédonienne, facilement séparables sur les mêmes critères) et il y a, enfin, la situation "radicale" où à un mot vraisemblablement d'origine slave correspondent des places vides dans le lexique de toutes les langues slaves méridionales excepté le macédonien.

Zur Sprache der Siebenbürger Bulgaren

Nicht nur geschichtlich, sondern auch sprachlich ist die Tatsache von Bedeutung, daß es in Siebenbürgen vier Ortschaften gab, wo noch im 19. Jh. lutherische Bulgaren ein altertümliches Bulgarisch sprachen. Diese Bulgaren wurden von den Rumänen als "Skei", d.h. "Sclavi" bezeichnet. Im Gegensatz zu den Siebenbürger Bulgaren waren die Banater Bulgaren katholische Bulgaren, die in den 30-er Jahren des 18. Jhs. in einer Sprachinsel im historischen Banat lebten. Die Banater Bulgaren hatten im Gegensatz zu den Siebenbürger Bulgaren ihre Heimat Ende des 17. Jhs., nämlich nach der Niederschlagung eines antitürkischen Aufstandes 1688 in Čiprovec verlassen. Die Siebenbürger Bulgaren scheinen im 13. Jh. über die Walachei eingewandert zu sein, sie stellen also keine Reste der ältesten slawischen Bevölkerung in diesem geographischen Bereich der Balkanhalbinsel dar.

Die Sprache der Siebenbürger Bulgaren verschwand im 19. Jh., doch haben sich interessante Sprachreste erhalten, so ein "Vaterunser" und ein Gesangbuch aus den Jahren 1812 und 1830. Die Lieder des Gesangbuches, die nach einer Abschrift des Jahres 1830 erhalten sind, wurden noch um 1900 in Kirche und Schule gesungen. Das Gesangbuch wurde zuerst herausgegeben von Franz Miklosich in seiner Abhandlung "Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen", erschienen in den "Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften" in Wien 1856. Auch in seiner "Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen", erschienen in den "Denkschriften" 1883, geht Miklosich auf die Sprache der Siebenbürger Bulgaren ein. Im Jahre 1896 hatte der bulgarische Sprachwissenschaftler Ljubomir Miletič die Siebenbürger Bulgaren zum Gegenstand einer weiteren wissenschaftlichen Abhandlung in "Sbornik za narodni umotvorenija" gemacht.

Ausführlich soll nun eine Darstellung der lautlichen, morphologischen und syntaktischen Besonderheiten der sprachlichen Denkmäler des Siebenbürger Bulgarisch erfolgen und eine Zuordnung zu den verschiedenen Kategorien der Balkanismen durchgeführt werden.

**Linguistic research of small exogamic communities:
the case of Banyash Romanians in Serbia**

Banyash Romanians is a scientific (constructed) term aimed to refer to the Romanian language speaking Gypsies in Serbia and Montenegro, although in contemporary Bulgaria – the term Rudari is common. Among South Slavs for this specific Gypsy group the names Karavlasii or Romanian Gypsies were also used. The majority of Banyash Romanians in Serbia today live in mixed communities with South Slavs along the rivers: Danube, Sava, Tisa and Morava, but they can also be found in some remote mountain villages living together with Romanian language speaking Vlachs (now recognized as minority). From the linguistic point of view Banyash speak three different Romanian dialects: dialects of Muntenia, Banat and Ardeal. Only the Roman Catholics of Ardeal dialect speaking group, living along the river Danube, near the border with Croatia and Hungary, use the term Banyash as a self-designation. The members of other Banyash groups, all of them Christian Orthodox, consider themselves Romanians, but, when speaking the Romanian language they use the term Țigan (Gypsy) as self-designation.

The classical dialectological research among Banyash is today impossible. In the majority of their settlements, Banyash live in small, but exogamic communities and find their brides sometimes in very distant Banyash settlements. This makes dialectological picture of each settlement rather complicated and requires the research of community's social network. Due to the very strong social difference among settled Banyash and nomadic bear-trainers (also speaking Romanian language), there are no intermarriage connections among these two groups, and consequently no dialect interferences – this case is observed at the village of Bukovik (near Arandjelovac) where these two Gypsy groups live together. Completely isolated is the case of the unique endogamy practicing Banyash settlement of Berilje (near Prokuplje), apparently their Romanian dialect remained intact.

Заметки об арумынском диалектном синтаксисе

В докладе рассматриваются особенности синтаксиса неглагольных частей речи говора села Κρανέα / Turia – южноарумынского пункта МДАБЯ в районе Пинда в северо-западной Греции. Использован материал экспедиции, осуществленной в 2002 г. совместно с Т. Калем и М. Бара, на основе которого готовится к печати в 2005 г. диалектологическая монография. На фоне очень высокой степени грамматической вариативности в говоре в докладе делается попытка отделить истинные дублиеты от вариантов, для которых можно установить правила дистрибуции.

Из черт, обычно не принимаемых во внимание балканистикой, для говора характерен, например, ж.р. сущ. *af'ei* "отец" (*durn'i af'ei-mea*), координация сущ. типа *dun'auā* "народ", *ho'arā* "село" во мн.ч. (*k'inis'esku dun'aua; si-mut'arā ho'ara*), мн.ч. вещественных сущ. (*tānāke'azli di l'āpturi*), удвоение подлежащего (*v'in'i i'el' k'irāg'ālu au'a; ši-ṭe'a aṭ'el', n'iklu*), противопоставление родовых форм мест. 3 л. (ед.ч. *i'el' ~ n'āsā*, мн.ч. *el' ~ n'āsi*), неразличение ном. от падежа прямого объекта у мест. 1 л. ед.ч. (*ṭi v'ai si-fakā t'ora ku i'o?!*), отсутствие формального противопоставления неопр. и отриц. мест. (*s-l'-ad'ar' i'iv'a* и *ṭ'aplu nu-ave'a pāṭ'ātā ṭāv'a*), неразличение форм комп. и суперл. прил. (*bāg'ām' m'i't'ān' n'is'i'li la ma m'ār'i*), синонимия наречий с предлогом *prā* и без него (*pri vlāh'aṣti li zāc'em' // l'dz'āk' vlāh'aṣti*).

Из балканизмов следует отметить способы выражения прямого объекта (*'āl' la pikur'arlu // lu-ak'aṭā prā pikur'ar'*), его удвоение (*vr'e'i s-l'-andāmus'e-ṣti δ'emun'i?; ṣ-lu mb'artā ṣ-glik'o la dun'aua t'utā*) и отсутствие последнего (*di^mbre'am si-nu m'uṣkā fe'ata ṣ'arpili*); способы выражения косвенного объекта (*va-l' z'āk' 'al' l'ala // āl' z'āsirā a drāg'atlui // da la nip'oṭ, da la kumb'ar'*) и его удвоение (*āl' dz'āṣ' a bārb'a-n'ui // z'āṭi a pr'eftlui*). Средства выражения посессивности варьируют от ген. конструкций (*a n'unlui, a fr'ati-sui // 'al' n'un'*) до сложной системы притяжательных местоимений (*s'okār-n'u // fič'orlu a m'eu // k'ir'aua-n'*). Для категории определенности характерны комбинации указательных мест. и арт. (*p'eṣṭāl' ae'ṣṭā, l'emnul' ač'ol'*), наличие арт. в атрибу. синтагмах со связующим указат. мест. (*k'asa aṭi'a m'ari // k'asa aṭi'a m'area*) и без него (*fe'atili nimurt'ati // fe'atili nimurt'atili*), возможность опущения арт. в предложных синтагмах (*aḡumzi'a la v'ali // d'usi astinom'ia la č'elniklu*).

Linguistic Ideological Contestation in the Arvanitika (Albanian) Communities of Modern Greece

Arvanitika speakers of modern Greece, domiciled on what is now the Greek national territory for more than four centuries, are presently and have been for some time bilingual in modern Greek and a variety of the Tosk dialect of Albanian. The minority language, Arvanitika, has been facing the threat of attrition under the impact of the Greek hegemonic national practice and official-standardist ideology without though the exercise of a massive overt coercion. A long ethnographic and sociolinguistic study undertaken among the communities (Tsitsipis 1998; 2003) has revealed the complexities of the processes responsible for obsolescence, and has shown that the threat of a minority speech form is contingent upon objective socio-economic forces as well as upon internal linguistic ideological ones.

In this paper my emphasis falls on linguistic ideology and its contestation (Gal 1993) among local communities such that both the acceptance of the official state discourse and its questioning form a complex site in which speech communities are called to survive. This research, deriving its inspiration from the empirical condition of Arvanitika speakers, is led to question the micro- and macro-distinction in social research (Errington 1998), and also the one-dimensional focus of many sociolinguistic studies of language attrition which isolate structural linguistic variables paying less attention to other more practice oriented parameters (for a critical approach, see Kuipers 1998).

In order to achieve a fine grained level of analysis various sociological and sociolinguistic theoretical models are critically used along with a Bakhtinian perspective that is fit to the study of linguistic ideologies.

О говоре переселенцев из с. Крыстополе (Еникьой), район Ксанти

Для говора переселенцев из западнофракийского села Крыстополе характерно сочетание архаичных и инновационных особенностей. Языковая специфика предопределяется центральным географическим положением села, в результате чего в системе говора обнаруживаются явления фракийского, родопского и западнорупского типа. Из важнейших древних фонетических черт следует отметить наличие гласного э ($b^{\text{э}}k$, $r^{\text{э}}ba$, $s^{\text{э}}pka$), сохранение назальной артикуляции рефлекса др.-болг. Ē в отдельных словах ($'end\ddot{u}r$ // $J'end\ddot{u}r$, $pindis'iT$, $pinT$ "пядь"), широкую артикуляцию рефлекса др.-болг. $*\text{\$}$ (bEx , $dr'Emka$), группу $\ddot{u}er-$ < $*\ddot{u}r\ddot{u}-$ ($\ddot{u}er'en$, $\ddot{u}erf$), наличие большого числа палатализованных согласных во всех позициях в слове и др.

К инновационным фонетическим явлениям относится сужение артикуляции e в i под ударением ($v'i\ddot{u}er$, $d'ivet$, ziT , $m'ine$), лабиализация a в o перед лабиальными v , m , впоследствии выпадающими ($gl'oa$ < $gl'ava$, $kr'oa$ < $kr'ava$), антиципация палатальности ($diJv'ak$, $zdr'alve$, $'olgen$, $upr'alvam$). Др.-болг. сочетание $\acute{a}t$ дало долгий шипящий $\acute{a}\#$ ($\acute{a}\acute{a}$) – $g'a\acute{a}\acute{a}e$, $d'\acute{u}\acute{a}\acute{a}era$, $k'\acute{u}\acute{a}\acute{a}e$, $m'a\acute{a}\acute{a}e\text{xa}$ (долгие согласные – редкость в болгарских диалектах).

Именная система сохранила падежные формы существительных м. и ж.р. – имен собственных и терминов родства ($b'e\acute{a}e$ $ugud'ena$ $\ddot{u}s$ $p'etra$; $p'etrum$ $v'agelka$ $\acute{a}e$ $st'an\ddot{u}$; $v\ddot{u}r$ $ka\acute{a}$ $mar'ii$ da $\acute{a}lee$ $d'olu$; $g'a$ si $p'o\acute{a}$, $n'os\ddot{u}$ $m'aJki$ $zdr'alve$). Интересны числительные от 60 до 90, включающие в свой состав числительное 20 ($tr'izdv'alste$, $tr'izdv'alste$ i $d'is\ddot{u}T$, $\ddot{u}'iterzdv'alste$, $\ddot{u}'iterzdv'alste$ i $d'is\ddot{u}T$), вопросительное местоимение рупского типа $kutr'i$, обобщительное $vrit$, $vr'it\ddot{u}ik\ddot{u}T$, неопределенное $pu'd'in$ (< $pone$ $edin$), отрицательное $b'\ddot{u}r\ddot{u}$ $id'in$ // $b\ddot{u}rid'in$ (< $barem$ $edin$). Система указательных местоимений двухчленная (tas ~ sas). Имеются указательно-притяжательные местоимения типа $t'olzin$ (tij $s\ddot{u}$ $t'olzini$ $dr'ipi$).

Исключительно в прохибитивных конструкциях с $nim'oJ$ или с частицами mi , $m'ite$, sos отмечаются формы сокращенного инфинитива ($ni-m'oJ$ $z'im\ddot{u}T$; mi $p'it\ddot{u}T$; sos $cr^{\text{э}}k\ddot{u}T$). Инновационно смешение типов спряжения в парадигме презенса, а также предикативное и полупредикативное употребление страдательных причастий ($t'ij$ $s\ddot{u}$ $l'egn\ddot{u}ti$ $v'ike$; $'im\ddot{u}\acute{a}$ li gu $p'is\ddot{u}nu?$).

Perspektiven für die Erforschung des Slavischen in Nordgriechenland

Von den heute ca. 200.000 "Slavischsprechern" Griechenlands, der größten dachlosen slavischen Sprachgruppe, sprechen heute nur noch ein Viertel aktiv den Dialekt. Daher sind sie auf soziologischer Ebene eher als Minderheit (Tajfel 1982) denn als ethnische Gruppe beschreibbar. Der Minderheitensprachraum weist eine multiple Fragmentierung auf: So steht der ethnischen und z.T. nationalen Minderheit im Raum Florina, die in den 1990er Jahren ein "ethnic revival" durchlebt hat, eine akut von Sprachtod bedrohte Sprachminderheit im zentralen und östlichen Ägäis-Makedonien gegenüber.

In Anlehnung an Sasse (1991) und Seifart (2000) verstehen wir die Beschreibung bedrohter Sprachen primär als kulturwissenschaftliche Dokumentationsaufgabe, die stärker auf den Sprachgebrauch als auf das Sprachsystem abzielt.

Der Vortrag fasst Ergebnisse meiner Habilitationsschrift "Das makedonische Standard/Dialekt-Kontinuum im 20. Jahrhundert: Sprachplanung und Sprachverhalten in der Republik Makedonien und im nordgriechischen Minderheitensprachraum" zusammen. Die Gräzisierung der slavischen Dialekte Ägäis-Makedoniens ist ein von der bulgarischen und makedonischen Dialektologie weitgehend ausgeblendeter Bereich, da bis heute mit Emigranten der 1920-1940er Jahre gearbeitet wird, deren Sprachgebrauch nicht den heutigen Grad der Sprachmischung angesichts der totalen Bilingualisierung der Sprachminderheit spiegelt.

Wie im Arvanitischen und Aromunischen, verwenden auch die Slavophonen massiv sog. Relexifizierungen aus dem Griechischen als morphosyntaktisch integrierte borrowings, wobei nur die ältere Generation mit tag-Markern u.ä. diskursive Strategien verfolgt. Zugleich dient das Switching als "act of identity" (Tabouret-Keller/LePage 1985) zur Inklusions- bzw. Exklusionsmarkierung einer Grenzminderheit mit typisch hybriden und multioptionalen Identitätsmustern: Sie grenzt sich so von drei sprachlichen „out groups“ ab: den Makedoniern, den Bulgaren und den Griechen.

Neben der Präsentation von Codeswitching-Techniken bei der älteren Generation sowie bei jugendlichen „Semisprechern“ (Dorian 1981), die Sprachtoddphänomene in unterschiedlichem Mass vertreten, werden zwei Fragebogenaktionen im Raum Florina zu Sprachgebrauch und Sprachattitüden ausgewertet. Es zeigt sich die übliche Diskrepanz zwischen ideeller Sprachloyalität und tatsächlicher geringer Verwendung des Dialekts. Die starke Differenz altersbedingter Sprachkompetenz führt in Haushalten mit drei Generationen zu ununterbrochenem "situational code-switching".

Im letzten Teil wird die Komprehensibilität des Standardmakedonischen im Raum von Florina bis Serres überprüft, um das Koneski'sche Postulat des hohen Dialektalitätsanteils zu überprüfen. Hier lassen sich Konvergenzzonen zum Standardmakedonischen und Standardbulgarischen ausmachen, die mit der Grenzöffnung und der EU-Erweiterungsperspektive in den letzten Jahren zu einer Korrosion der Deckungsgleichheit von politischen und sprachlichen Grenzen geführt haben. Hierfür müsste jenseits der traditionellen ethnolinguistischen Lexemlisten abstraktes Vokabular in onomasiologischen Fragebögen erfasst und diatopisch systematisiert werden.

Svetlana Yanakieva (Bulgaria, Sofia)
Alexander I. Falileyev (Russia, St. Petersburg)

Towards a Computer-based Corpus of Thracian

Thracian is basically an onomastic language and its data is found in numerous inscriptions and in the writings of the ancient authors. Although much collecting and analysis of the remnants of Thracian was done before 1957, it was only with the publication of D. Detschew's *Die thrakischen Sprachreste* in that year that the academic community received a corpus of then-known Thracian and allegedly Thracian data. The appearance of Detschew's volume was not only "ein Markstein in der Erforschung der alten Balkansprachen", to quote from Solta's review of the book. It provided an impetus for further research, the fruits of which are manifested in the *Nachträge* and *Berichtigungen* offered by various scholars to Detschew's corpus.

Since 1957 a great deal of progress has been made in the field of Thracian studies. There have been many scholarly discussions of various linguistic levels of Thracian. Most of the conclusions are conjectural, however, due to the character of the data; it is still to be hoped that more data will be introduced into the discussion to clarify those issues. In fact, the years since 1957 have witnessed both the discovery of new inscriptions with Thracian entries, and the publication of texts previously preserved on stones. The publications of newly found data and re-analysis of previously known entries are to be found in various journals, and although these are normally reflected in linguistic bibliographies, the fact that they are widely scattered prevents a comprehensive analysis of the data.

The aim of the joint project being carried out at the Institute of Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences, sponsored by RGNF grant) and the Institute of Thracology (Bulgarian Academy of Sciences) is to offer an updated computer-based corpus of Thracian (with a "search" function). It is to be based on Detschew's *Die thrakischen Sprachreste* in conjunction with the *addenda* and *corrigenda* offered by reviewers of that work. At this stage it is not a task of the project to produce a new corpus. Instead, the software designed by Dr. Spiridonov allows consideration both of the data published in Detschew's book and of subsequent publications, without updating the corpus arranged by Detschew. It is also self-evident that in future the project may become the basis for the complete (albeit open for further *addenda*) corpus of the Thracian language.

Die slavischsprechende Bevölkerung in Südostalbanien und ihre Mundarten

Heute findet man kompakte slavischsprechende Bevölkerung in Südostalbanien vor allem in der *Prespa*-Region, die neun Dörfer mit rund 4400 Einwohnern umfasst, und im Dorf *Vërnik* mit rund 250 Einwohnern. Reste (fünf-sechs Personen) findet man auch im Dorf *Boboshticë*. Die Bevölkerung ist fast ausnahmslos orthodox. Im Laufe der Zeit sind die slavischsprechenden Einwohner von *Drenovë* (Korçë) und *Peshkëpi* (Pogradec) assimiliert worden. Dagegen spricht man im Dorf *Lin* nur in wenigen Familien Slavisch, die eine Braut aus dem Nachbardorf *Radožda* haben, aber auch hier spricht die Nachkriegsgeneration Slavisch nicht mehr. In unserer Feldforschung haben wir stichprobenartig auch viele andere Dörfer, die in der Literatur vorkommen, überprüft und negative Antworten erhalten (z.B. *Bozhigrad*, *Zagradec*, *Tren*, *Zagorçan*, *Starovë*, *Tushemisht*, *Proptisht*, *Rajcë* usw.). Sowohl für die alte als auch für die neue Literatur sind folgende Bemerkungen hervorzuheben: erstens haben die meisten ausländischen Autoren die Gebiete nicht selbst bereist, zweitens verwechseln manche von ihnen oft die Zeitschichten und drittens gibt es auch solche, die man sehr schwer als wissenschaftlich bezeichnen kann. Ebenfalls sind Einwohner aus den obenerwähnten Gebieten vor allem im Nachbarstädte wie *Bilisht*, *Korçë* und *Pogradec* im Laufe der Zeit umgesiedelt.

Das Prespagebiet, das Dorf *Vërnik* und das Dorf *Boboshticë* gehören in sprachlicher Hinsicht verschiedenen Mundarten an. Die Mundart des Prespagebietes gehört zum makedonischen *dolnoprespanski govor* oder bildet eine Übergangsmundart zwischen *gornoprespanski* und *dolnoprespanski govor*. Die Mundart von *Vërnik* gehört zu den makedonischen *egejski govori*, genauer zur Mundart von *Kosturi*. Dagegen scheint die Mundart von *Boboshtica*, trotz mancher Ähnlichkeiten mit der Mundart von *Kosturi*, eine isolierte südslavische Mundart darzustellen.

Die drei Mundarten unterscheiden sich untereinander, haben aber gleichzeitig auch gemeinsame Merkmale. Aus dem Bereich der Phonetik sind zu erwähnen:

- die verschiedenen Akzenttypen, mit dem in *Prespa* auf der drittletzten Silbe fixierten Akzentz , in *Vërnik* auf der vorletzten Silbe (aber noch nicht stabilisiert) und in *Boboshtica* auf der vorletzten Silbe (bei einem Informanten noch nicht stabilisiert);
- die Reflexe vom Nasalvokal **ǎ* die in *Prespa* und *Vërnik* *ɔ/ɔn* und in *Boboshtica* *a/an* sind;

- die Reflexe vom Nasalvokal $*\tilde{E}$, von \bar{v} , \bar{b} und von dem silbenbildenden r , die in allen drei Gebieten gleich e/en ; \bar{v}/o ; e und $\bar{v}r$ sind;
- die Reflexe von $*\$$, die in Prespa je/e , in Vërnik e und in Boboshtica $e/je/ja/j\bar{v}$ sind;
- die Reflexe von dem silbenbildenden l , die in Prespa $ol/\bar{v}l$, in Vërnik $\bar{v}l/ol$ und in Boboshtica $al/\bar{v}l$ sind;
- die Reflexe von $*tj$, die in Prespa $\check{s}t/k'$, in Vërnik $\check{s}t/\check{s}/\check{s}\check{c}/\check{c}$ und in Boboshtica $\check{s}t/\check{s}\check{c}$ sind.

Aus dem Bereich der Morphosyntax sind zu erwähnen:

- der Gebrauch des einfachen Artikels in allen drei Gebieten;
- die Kasusreste der Demonstrativpronomina, die nur in Boboshtica vorkommen; manche Reste von Kasusendungen findet man auch in Prespa;
- die Wortstellung *Substantiv + Adjektiv / Possessivpronomina*, die gewöhnlich in Prespa und Vërnik, aber eine Seltenheit in Boboshtica ist;
- der Gebrauch des Perfekttypes *imam + n-Partizip* in Prespa und Vërnik, dagegen der intensive Gebrauch des *l-Partizips* und damit auch dieses Perfekttyps in Boboshtica, usw.